

Ник. Смирнов-Сокольский

"Новиков и московские мартинисты"

Ник. Смирнов-Сокольский. Рассказы о книгах. Издание пятое  
М., "Книга", 1983  
OCR Бычков М. Н.

Я достал книгу, которая необходима каждому интересующемуся литературой XVIII века, неразрывно связанной с именем русского просветителя Николая Ивановича Новикова. Книга эта весьма известна и, хотя напечатана всего в количестве 800 экземпляров, на книжном рынке встречается. Книга, о которой идет речь, называется "Новиков и московские мартинисты". Напечатана она в Москве в 1867 году. Автор этого исследования -- М. Н. Лонгинов<sup>1</sup>.

По обилию фактического материала о Н. И. Новикове книга не устарела и сейчас, а когда-то была вообще единственным исследованием о деятельности этого замечательного человека, сыгравшего такую огромную роль в развитии русского просвещения.

В книге этой... Впрочем, мне повезло, и я имею возможность дать рассказать о ней, причем весьма подробно, самому автору. Дело в том, что книга Лонгинова попала мне с весьма любопытным приложением: собственноручным письмом автора к Николаю Ивановичу Тургеневу, декабристу, сыну известного масона Ивана Петровича Тургенева, близкого знакомого самого Николая Ивановича Новикова.

Н. И. Тургенев в момент ареста декабристов оказался за границей и, будучи заочно приговорен к смертной казни, провел жизнь в эмиграции. Лишь при Александре II он был амнистирован и трижды посетил родину: в 1857, 1859 и 1864 годах. Он умер в 1871 году 82-летним стариком в своей вилле Вербуа, в окрестностях Парижа. После него осталось немало трудов, посвященных, главным образом, вопросам освобождения крестьян и государственного устройства.

Что и говорить -- адресат интересный. Не менее интересно и письмо к нему М. Н. Лонгинова, написанное накануне выхода в свет книги "Новиков и московские мартинисты". Впрочем, вот это письмо, публикуемое впервые:

"Милостивый государь, Николай Иванович!

На днях я получил от В. С. Порошина<sup>2</sup> письмо, в котором он передает мне ваш поклон. Мне чрезвычайно лестно и приятно видеть такой знак памяти и внимания с вашей стороны, и я спешу выразить вам за него душевную мою признательность. Я уверен, что вы не сомневаетесь в глубоком моем к вам уважении, соединенном с чувствами искренней личной приязни моей, возникших во время столь живых в моей памяти бесед наших в Москве, в 1859 году.

Такие воспоминания не умирают никогда.

В то время я занимался исследованиями о Новикове и его круге, судьбой которых вы интересовались по самому их предмету. Все это были робкие, отрывочные попытки, иначе не могло и быть в деле совершенно темном и новом. С тех пор я получил документы первой важности, рассеившие весьма значительно этот мрак и сам приобрел гораздо более достаточные познания по разнородным предметам деятельности Новикова и его друзей.

При помощи всего этого я еще три года назад составил довольно обширный свод известий, который хотел напечатать. Но тут получены были мной еще важные материалы, и я остановился печатанием. С весны 1864 года я не жил в Москве; две зимы провел в Туле и три лета в деревне Крапивинского уезда. Последнее время я усиленно занимался своим трудом и кончил обширное исследование под заглавием "Новиков и

московские мартинисты" (как ни неправильно название мартинистов, но я решился употребить его как общепринятое).

В нем соединено все, что известно о Новикове, от его рождения до смерти, и все, что дошло до нас о совокупной деятельности его и его друзей с 1779 по 1792 годы, по делам филантропическим, издательским, типографским, книгопродавческим, педагогическим, ученым, масонским, розенкрейцерским, а для объяснения двух последних категорий в тексте есть краткое объяснение мистицизма, теософии и алхимии и изложение главных черт истории древнего и новейшего масонства, судеб его в России с 1734 года, нового тамплиерства, или "строгого наблюдения", розенкрейцерства и иллюминатства.

Таким образом, становятся понятны перевороты и отношения в русском масонстве и розенкрейцерстве времен новиковских.

Все вышеизложенные события и все имеющее до них отношение изложены в строгой хронологической последовательности, погодно. Исследование мое будет состоять приблизительно из 35 или 40 печатных листов текста, снабженного более чем 1500 примечаний библиофильских, библиографических и т. п., и разделяется на 25 глав. Кроме того, в приложениях поместятся тексты главнейших документов.

На днях я проезжаю опять в Москву и приступаю к печатанию своей книги, экземпляр которой буду иметь честь доставить вам по выходе ее в свет.

Мне совестно беспокоить вас просьбою. Но если вам будет свободная минута, вы очень обязали бы меня доставлением сведений о числе, месяце и годе рождения и кончины Ивана Петровича и Андрея Ивановича Тургеневых. Александр Иванович помечен у меня: род. 28 марта 1784, ум. 3 декабря 1845. Так ли это? Год вашего рождения обозначен у меня 1789, но числа и месяца нет.

О Сергее Петровиче и о вашей матушке сведений я не имею вовсе.

Не знаю, известно ли вам, что Иваном Петровичем, кроме книги Иоанна Масона (1783), переведены с немецкого: Соч. Арндта "Об истинном христианстве", в 5 частях (1784). 2. "Апология, или Защищение вольных каменщиков" (1784).

Это я узнал наверно. Ему же приписываю я перевод с латинского "Избранных сочинений блаженного Августина" в 4 частях (1786). Не известно ли вам что-либо о майоре Оболдуеве, переводчике с немецкого "Карманной книжки для вольных каменщиков" (1780 и 1783) и "Братских увещаний к некоторым братьям свободным каменщикам" (1784)?

Еще раз прошу извинить мою докучливость, но меня так занимают эти вопросы, что я увлекаюсь ими невольно.

За себя и от имени всех любителей русской литературы и истории, приношу вам благодарность за бумаги, касающиеся Карамзина, о высылке которых извещает меня В. С. Порошин. Черты жизни Карамзина, разъясняемые Тургеневым,-- дело истинно важное и, так сказать, достолюбезное. Благодарю бога, что одарен чувством понимания подобной гармонии имен и что люблю их, как желательно было бы встретить почаще в нашем забывчивом и легкомысленном обществе.

В заключение осмелюсь выразить одно желание, искреннее и горячее. Где теперь бумаги Александра Ивановича? Как было бы хорошо издать их, с вашими указаниями! Одна "хроника русского", которую можно было бы теперь печатать без пропусков, чего стоит! Корреспонденция его должна быть кладом. Верьте, есть люди, которым дороги эти покойники, дорога мысль увековечить их имена. Пройдет наша литературная горячка, и обратятся к этим истинным образцам вкуса и просвещенной деятельности. От вас зависит многое для того, чтобы в данную минуту не оказалось недостатка в памятниках славного прошедшего.

С глубочайшим почтением и истинною преданностью имею честь быть вашим покорнейшим слугой М. Лонгинов.

Село Красное, 3-го октября 1866".

Таково собственноручное послание автора исследования о Н. И. Новикове -- М. Н. Лонгинова.

На первый взгляд в письме нет ничего особенного. Может показаться даже, что пишет его весьма серьезный ученый, поставивший целью дать картину жизни прославленного своими делами и страданиями деятеля просвещения XVIII столетия. Не забудем, что о Новикове писал Белинский, как о "необыкновенном и, смею сказать, великом человеке"<sup>3</sup>.

Не скупится на похвалы в своей книге и М. Н. Лонгинов. Однако в какую именно сторону они направлены?

В приведенном здесь письме характер деятельности Новикова обрисовывается так, что его труды, видите ли, были: "филантропические, издательские, типографские, книгопродавческие, педагогические, ученые", а главное: "масонские, розенкрейцерские, тамплиерские, иллюминатские". В исследовании М. Н. Лонгинова эта мысль получает еще большее развитие. Новиков в книге Лонгинова -- это мистик, масон, алхимик, теософ. Лонгинов предпринимает все возможное, чтобы сделать в своей книге понятными "перевороты и отношения в русском масонстве и розенкрейцерстве времен новиковских".

Вот, оказывается, в чем главная задача "исследования" Лонгинова!

Даже по содержанию письма видно, что он в своей книге не уделяет и строки Новикову -- писателю, сатирику, врагу крепостного права, врагу Екатерины II. Не просветителем, а насадителем мистицизма в России рисует Лонгинов в своей книге Николая Ивановича Новикова. За мистицизм, видите ли, его и покарала императрица!

"Он никогда не был собственно писателем,-- пишет Лонгинов о Новикове,-- образование Николая Ивановича было самое скудное". Совершенно забыто, что Новиков был блестящим журналистом, чья полемика с "Госпожей Всякой Всячиной", то есть с самой императрицей, бесила ее куда больше, чем все розенкрейцеры и тамплиеры вместе взятые.

У нас еще продолжают и сегодня спорить, кто является автором знаменитого "Отрывка путешествия в..." -- Новиков или Радищев? А Екатерина II не спорила -- ей это было совершенно не важно. Важно было, что "Отрывок" был напечатан в журнале Новикова "Живописец", и в этом "Отрывке", как много позже писал Добролюбов, "слышится уже ясная, мысль о том, что вообще крепостное право служит источником зол в народе"<sup>4</sup>.

Екатерина II вовсе не была настолько недаленовидной, чтобы не понимать -- куда метили и "Письма к Фалалею", и новиковские "Пословицы российские", в которых совсем не таким уже эзоповским языком говорилось и о том, что "Близ царя -- близ смерти" или "Седина в бороду, а бес в ребро".

Да и кто не понимал, в чей адрес говорится: "Имея седину в голове, женщина, я чаю, искушением же беса, начинает думать, будто она в состоянии сочинять стихи и прозу, мараает любовные сказочки, кропает идиллии, эклоги и другие мелкие сочинения, но успехов не видит..."

Или: "Старая и незаконно проводившая дни свои женщина имела сына, которому хотя и за тридцать лет было,-- но он еще ничему не учился, ничего не делал и был неотступно подле своей матери. Она его ласкала, нежила, баловала и сделала наконец сущего тунеядца; беспрестанно уговаривала его жениться, но урод, заключая, что все на свете женщины так злобны и беспокойны, как злобна его мать, никогда не соглашался на женитьбу..."<sup>6</sup>.

Какая тут мистика? Намек на матушку-государыню и ее сынка-урода Павла Петровича -- достаточно прямолинейно.

Подлинное лицо Новикова давно было ясно Пушкину, Белинскому, Добролюбову, Чернышевскому и Герцену. И именно в противовес им Лонгинов создает свое "исследование", в котором Новиков объявляется всего лишь издателем, книгопродавцем, мистиком и масоном. В остальном он-де "верноподданный" исполнитель

"просвещенных предначертаний" государыни, лишь под конец запутавшийся в мистико-масонских делах.

Концепция была создана хитро и ловко и на много лет увлекла по этому пути почти все дореволюционное литературоведение. Даже Г. В. Плеханов пошел на поводу у этой реакционной легенды, также придавая "масонству" Новикова главное и решающее значение. Советским исследователям пришлось немало потрудиться, чтобы правильно оценить деятельность Н. И. Новикова.

\* \* \*

Кем же был автор книги "Новиков и московские мартинисты"?

Михаил Николаевич Лонгинов -- библиограф и книголюб, автор множества заметок и статей о книжной старине. В круг литераторов он попал с детства. Его репетитором по русскому языку был молодой Гоголь<sup>6</sup>.

В свое время в обществе его любили. Он был веселый, общительный молодой человек, прославившийся как автор неприличных по содержанию стихотворений. Это было в начале пятидесятых годов. Его называли "поэт не для дам", и книжечку таких "опусов" он напечатал в Карлсруэ. Позже, став губернатором и сановником, он усердно скупал и уничтожал эти грехи юности.

В свое время Лонгинов был дружен с Некрасовым, хвалил Белинского, сочувственно отзывался о Чернышевском. Журнал "Современник" охотно печатал его, библиографические заметки. Играл он в либерала усерднейшим образом, и в заметках его проскальзывали иногда мотивы защитника свободы печати.

К концу пятидесятых годов он резко порывает связи с демократическим и либеральным лагерями и переходит к Каткову, сотрудничает в "Московских ведомостях", "Русском вестнике" и других реакционных органах. Тон его заметок и исследований меняется.

По всему видно, что он делает это ради чиновничьей карьеры, которая быстрыми шагами идет в гору. В 1866 году он предводитель дворянства в Крапивинском уезде, в 1867 году -- губернатор в Орле и наконец в 1871 -- начальник Главного управления по делам печати, главный цензор русской литературы.

С яростью ренегата Лонгинов обрушил всю силу своего мракобесия на несчастную печать. Его свирепость удивляла даже издавших виды старых цензоров. Уничтожение книг стало его манией.

В 1872 году он спалил сочинения Радищева в издании Ефремова. Даже реакционное "Новое время" он обвинял "в сочувствии учениям социалистов". Поставленный на "охранение нравственности и порядка", Лонгинов показал свое лицо откровенного крепостника и стремился уничтожить все проявления прогресса. Гибель журнала "Искра" -- его рук дело.

Скабичевский, попробовавший лично вступить за свою приговоренную Лонгиновым к сожжению книгу, так писал о нем Некрасову: "Признаюсь, видал я скотов на свете много, но такого скота мне не случалось еще видеть. Как только смотришь на него, то закипает такая злоба, что чувствуешь, с каким бы сладострастием вlepил бы в его щеку здоровую пощечину. Признаюсь, после такой аудиенции я дал себе слово никогда к генералам не ходить, хотя бы дело шло о сожжении не только моей книги, но всего моего семейства и меня самого"<sup>7</sup>.

Действовал Лонгинов чрезвычайно активно и даже пробовал организовать своего рода движение против "нигилизма". В "Литературном наследстве" (т. 22--24) есть любопытное сообщение профессора П. Н. Беркова о том, что Лонгинов пытался поставить во главе этого "движения" писателя И. С. Тургенева.

Впрочем, И. С. Тургенев писал о нем:

"Лонгинов, автор "Попа..." -- сквернейший по всей Руси губернатор. Публично лаявший на царя за эмансипацию (освобождение крестьян.-- Н. С.-С.) -- сделан начальником нашей несчастной прессы!-- ничего хорошего ожидать нельзя..."<sup>8</sup>

Ничего хорошего нельзя было ожидать и от его "исследования" о русском просветителе XVIII века Николае Ивановиче Новикове. Оно оказалось глубоко реакционным.

В январе 1875 года Лонгинов умер, и его замечательная библиотека (единственное, что у него было замечательного!) в настоящее время находится в Пушкинском Доме.

\* \* \*

Интересующиеся литературным наследием Н. И. Новикова, особенно его журнальной деятельностью, поставлены сейчас в значительно лучшие условия, чем это было в начале моего собирательства.

Работа Г. П. Макогоненко "Николай Новиков и русское просвещение XVIII века" дает исчерпывающую характеристику деятельности замечательного писателя-сатирика. Сатирические журналы Новикова сейчас заново переизданы под редакцией проф. П. Н. Беркова.

Работа того же П. Н. Беркова "История русской журналистики XVIII века" обстоятельно знакомит со всеми журналами как самого Новикова, так и его окружения. Кроме того, под редакцией Г. П. Макогоненко изданы "Избранные сочинения" Н. И. Новикова. В этой книге собраны все лучшие статьи, фельетоны и другие произведения Н. И. Новикова и, в частности, перепечатано третье издание "Живописца", резко отличное от первого, переизданного П. Н. Берковым<sup>9</sup>.

Образ Новикова встает в этих работах в своем настоящем виде.

Новиков был приговорен Екатериной II к "нешадной казни", замененной 15 годами заключения в Шлиссельбургской крепости. Он был в заключении до смерти самой Екатерины II и вышел из крепости больной и разбитый.

Мне удалось собрать комплекты почти всех сатирических журналов, изданных Новиковым. Первый из них называется "Трутень". Он выходил с 1 мая 1769 года по 27 апреля 1770 года. В качестве эпиграфа Новиков взял слова из басни А. Сумарокова: "Они работают, а вы их труд ядите". Но, начиная с десятого листа, эпиграф пришлось снять и заменить новым: "Опасно наставленье строго, где зверства и безумства много". В этом журнале Новиков с исключительной смелостью полемизировал с Екатериной II. Журнал, был закрыт по распоряжению императрицы. Однако Новиков успел напечатать второе тиснение этого журнала в 1770 году. Оба издания весьма редки<sup>10</sup>.

После закрытия "Трутня" Новиков анонимно, через подставное лицо, издает журнал "Пустомеля", который на второй книжке прекращает свое существование. Журнал был запрещен Екатериной II, разгадавшей издателя. Выходил журнал в течение июня -- июля 1770 г.

Этот журнал особенно редок, и я его знаю лишь по перепечатке А. Н. Афанасьева, сделанной в 1858 году. И в этом журнале Николай Иванович Новиков продолжал линию, взятую им в "Трутне".

Не очень понятно, почему Екатерина II разрешила Новикову после запрещения двух первых журналов издавать еще третий, едва ли не самый злой. По-видимому, она не оставляла надежды увлечь издателя на путь "улыбательной" сатиры. Журнал носил название "Живописец". Он выходил так же листами с апреля 1772 по июнь 1773 года, после был закрыт.

Журнал имел огромный успех и выдержал несколько переизданий. Первая его часть за 1772 год была напечатана дважды. Она была выпущена вторично при выходе в свет второй части в 1773 году. Книгопродавцы считают это двумя изданиями "Живописца" -- первым и вторым.

В 1775 году Новикову удалось выпустить третье издание "Живописца", отличное по содержанию от предыдущих. Это как бы собрание сочинений самого Новикова, который напечатал в этой книге свои статьи из "Трутня", "Пустомели" и "Живописца". Это обстоятельство убедительно доказывается Г. П. Макогоненко.

В 1781 году, уже в Москве, Новиков выпускает четвертое издание "Живописца", повторяющее третье.

Пятое издание вышло после ареста Новикова в Петербурге в 1793 году. Оно напечатано купцом Г. Зотовым с третьего или четвертого издания, но с некоторыми сокращениями, очевидно, цензурного характера.

Много позже, уже в 1829 году, была напечатана еще раз только первая часть "Живописца" (с первого издания) в типографии Пономарева. Издание это явно "торгового" порядка.

Последним сатирическим журналом Новикова был журнал "Кошелек". Он издавался с 8 июля по 2 сентября 1774 года и был закрыт на 10 номере. Время наступило более строгое, и сатира в этом журнале не поднималась до высот "Трутня" и "Живописца". Журнал чрезвычайно редок, мне с огромным трудом удалось найти его.

При собирании новиковских сатирических журналов нельзя было пройти мимо журналов, сопутствовавших им в эти же годы. Среди них были журналы и прогрессивного характера и журналы "верноподданнические", сатирическая линия которых вполне соответствовала желаниям Екатерины II.

К прогрессивным журналам этого времени принадлежат "И то и сию" (1769) и "Парнасский щепетильник" (1770) -- два журнала, издававшиеся М. Д. Чулковым. Далее -- "Адская почта или Переписка хромого беса с кривым" -- журнал одного автора, Федора Эмина (в 1788 году журнал был переиздан сыном Эмина под новым заглавием -- "Курьер из ада"). Далее -- "Смесь" (1769), журнал Л. И. Сичкарева (издатель установлен П. Н. Берковым<sup>11</sup>) и редчайший ежедневный листок, издававшийся с 1 марта по 4 апреля 1769 года офицером В. В. Тузовым. Листок этот назывался "Поденщина, или Ежедневные издания". Все эти журналы чрезвычайно интересны.

К журналам менее прогрессивного или вовсе "верноподданнического" направления принадлежат "Всякая всячина" и продолжение -- "Барышек Всякой всячины" (1769--1770), "Полезное с приятным" (1769) -- журнал преподавателей Кадетского корпуса И. Румянцева и И. Гейльса, "Вечера" (1772--1773) -- журнал литературного кружка М. Хераскова и, наконец, три журнала В. Г. Рубана, весьма недаровитого писателя: "Ни то, ни сию" (1769; вторично напечатан в 1771 году), "Трудолюбивый муравей" (1771) и сборник "Старина и новизна" (1772--1773).

Кроме этого, выходил еще курьезный, полуграмотный журнальчик "Мешанина Катоноскарроническая" (1773). Таким образом, появление и деятельность целого ряда сатирических журналов, лучшие из которых, во главе с новиковскими, сумели встать в оппозицию мыслям Екатерины II об "улыбательной" сатире, закончились закрытием последнего новиковского же журнала "Кошелек" в 1774 году. Этот год был годом разгрома крестьянского восстания, положившего конец либеральным заигрываниям императрицы.

Кроме сатирических журналов Новиков издавал ряд журналов (не говоря о газете) самых различных видов. Один из них (кстати сказать, редчайший из всех новиковских журналов) -- "Санктпетербургские ученые ведомости на 1777 год" -- фактически был первым русским библиографическим журналом. Его вышло всего 22 номера, и он почему-то совсем исчез с книжного горизонта.

Впрочем, в отношении новиковских журналов это вовсе не удивительно. Подавляющее большинство его изданий было оппозиционного характера. Так, в этом журнале, например, первой книгой, о которой дана рецензия, является "Наказ" Екатерины II, в то время книги почти запрещенной. Неумеренные похвалы журнала "Наказу" носят почти издевательский характер. Возможно, что журнал за это подвергся репрессиям, которые и сделали его редким.

Также весьма интересен и редок новиковский журнал, носящий название "Модное ежемесячное издание, или Библиотека для дамского туалета". Он издавался в 1779 году, в год переезда Новикова из Петербурга в Москву. Четыре его книжки вышли в Петербурге, а остальные, восемь в Москве.

Это -- первый женский журнал в России. Ничего "модного" в нем нет, если не считать двенадцати гравированных картинок, изображающих щеголих в нарочито карикатурном виде. В остальном -- журнал чисто литературный, рассчитанный на читательниц.

Очень редок и очень интересен журнал, носящий название "Городская и деревенская библиотека, или Забавы и удовольствия разума и сердца в праздное время". В этом журнале, издававшемся с 1782 года в течение пяти лет, Новиков возобновил сатирическую деятельность, напечатав в нем свои знаменитые "Пословицы российские", едва ли не самое смелое его произведение по сатирической остроте и направленности. Вышло за пять лет всего 12 книжек журнала. Может быть, именно поэтому комплект его было трудно собрать.

Менее интересны журналы, также издававшиеся Новиковым (в некоторых он был только издателем): "Утренний свет" (1777--1780), "Московское ежемесячное издание" (1781), "Вечерняя заря" (1782) и "Покоящийся трудолюбец" (1785). Был еще детский журнал и прибавления к "Московским ведомостям", которых я не сумел найти. Зато исторические издания Новикова -- "Повествователь древностей российских" (вышла всего одна книжка) и многотомная "Древняя российская вифлиофика" -- стоят у меня на полках.

Наличие у себя довольно значительного собрания журналов XVIII века я обязан покойному ленинградскому книжнику-антиквару Семену Николаевичу Котову, страстно любившему и много лет их собиравшему. К деятельности Николая Ивановича Новикова он относился со священным трепетом и, зная, что я также чту его имя, незадолго до своей смерти уступил мне всю коллекцию. Позже я сам много лет дополнял ее.

Вообще, старые книжники всегда с глубочайшим уважением относились к памяти Н. И. Новикова. Старейший из них -- А. А. Астапов -- владел живописным портретом Николая Ивановича работы либо Левицкого, либо Боровиковского (об этом спорят до сих пор). Это -- одно из семи повторений портрета, находящегося в Третьяковской галерее. Все они зарегистрированы В. Я. Адарюковым. В своих воспоминаниях Астапов пишет, что портрет "...подарила мне княгиня Белосельская-Белозерская, с условием, чтобы его никому не продавать: я вам дарю его, говорила она, потому что мои года на уклоне, а я его почитала и верю вам, что вы так же его уважаете"<sup>12</sup>. По смерти А. А. Астапова портрет попал к преемнику его, книжнику А. М. Михайлову, после -- к книжнику А. Г. Миронову и, наконец, ко мне.

Кроме газеты и журналов Новиков издал огромное количество книг самого разнообразного содержания. Его личные труды: "Опыт исторического словаря о российских писателях" (Спб., 1772), "Древняя российская гидрография" (Спб., 1773) и другие -- весьма интересны. В. П. Семенниковым составлен библиографический указатель изданиям Н. И. Новикова<sup>13</sup>. В указателе 944 названия. Для своего времени -- это грандиозная цифра. Самой светлой памяти заслуживает этот талантливый труженик у всех людей, любящих русскую литературу, русскую книгу.

Владимир Ильич Ленин в 1918 году, заботясь о Монументальной пропаганде, предложил поставить памятники русским просветителям, писателям, ученым,

революционерам. Из числа просветителей XVIII века им были названы Радищев и Новиков.

### Примечания

<sup>1</sup> Лонгинов М. Н. Новиков и московские мартинисты. Исследование... М., тип. Грачева, 1867. 384, 176 с. 8®.

<sup>2</sup> Порошин Виктор Степанович, доктор философии, проф. Московского ун-та (1809 или 1811--1868).

<sup>3</sup> Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. I. М., 1953, с. 53.

<sup>4</sup> Добролюбов Н. А. Полн. собр. соч.; т. 2. М.; Л., 1935, с. 170.

<sup>5</sup> Обе цитаты из "Пословиц Российских" см.: Новиков Н. И. Избр. соч. М.; Л: ГИХЛ, 1951, с. 235 и 236.

<sup>6</sup> Подробно о М. Н. Лонгинове см.: Чуковский К. Некрасов. Статьи и материалы. Л.: "Кубуч", 1926, с. 291.

<sup>7</sup> Там же, с. 295.

<sup>8</sup> Первое собрание писем И. С. Тургенева. Спб., 1884, с. 201.

<sup>9</sup> Книги эти: 1. Макогоненко Г. П. Николай Новиков и русское просвещение XVIII века. М.; Л.: ГИХЛ, 1951; 2. Берков П. Н. История русской журналистики XVIII века. М.; Л., 1952; 3. Сатирические журналы Н. И. Новикова. Ред., вступ. статья и коммент. П. Н. Беркова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951; 4. Новиков Н. И. Избранные сочинения. Подгот. текста, вступ. статья и коммент. Г. П. Макогоненко. М.; Л.: ГИХЛ, 1951.

<sup>10</sup> Этот и все далее упоминаемые в настоящем рассказе журналы описаны в книгах, перечисленных в предыдущем примечании и у А. Н. Неустроева в его "Историческом разыскании..." Спб., 1875.

<sup>11</sup> "Смесь" была издана вторично в 1771 году. Оба издания весьма редки.

<sup>12</sup> К 50-летию книгопродавческой деятельности А. А. Астапова. М., 1912, с. 39. Статью В. Я. Адарюкова см.: "Русская книга девятнадцатого века". Ч. 2. М.: Гиз, 1935, с. 498.

<sup>13</sup> Семенников В. П. Книгоиздательская деятельность Н. И. Новикова и Типографической компании. Пг.: Гиз, 1921.